

Заключительное слово

ГРУСТНЫЙ ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ НАУКУ

В.М. АЛЛАХВЕРДОВ

Резюме

Психологи в целом стоят перед выбором: или удовольствоваться существующим положением дел в психологии (такая у нас странная (или сложная) наука, которая всегда будет распадаться на несовместимые и несоизмеримые части) и стать довольным эпистемологическими пессимистами, или, наоборот, с грустью признать, что в нашей любимой психологии очередной кризис и быть при этом оптимистами, т. е. надеяться на лучшее психологическое будущее. Автор считает позицию эпистемологического оптимизма предпочтительной и призывает коллег продолжить работу над манифестом.

Что думают коллеги о психологическом знании

Рад, что столько замечательных ученых устно или письменно откликнулись на мой текст и признали необходимым наведение порядка в психологии. Конечно, прав А.С. Кармин: научные исследования развиваются по собственной логике, а не в результате призывов и меморандумов. И все же на координационном совете Санкт-Петербургского психологического общества не случайно было принято решение начать работу над методологическим манифестом. Ученым надо договариваться друг с другом о правилах профессиональной деятельности. Как иначе взаимодействовать в собственном доме?

Я эпистемологический оптимист и считаю, что научное знание направлено на постижение истины и дает «луч-

шее из всех возможных на сегодня объяснений» (Е.А. Сергиенко) потому, что оно лучше соответствует реальности. (Боюсь говорить об «относительной истинности» из-за неудачного диалектического прошлого этого термина.) Большинство участников дискуссии близки к этой позиции. Однако достаточно выражен и эпистемологический пессимизм, т. е. принципиальный отказ от утверждения об истинности научных теорий. В.Ф. Петренко: «Понятие истины утратило значимость, устарело». Ю.М. Шилков: «Классическая характеристика истины как соответствия (адекватности) знания действительности в современной методологии науки все больше становится анахронизмом». А.В. Юревич, отрицая любые истины, даже отрицает, что $2+2=4$: «Вообще-то позиция В.М. Аллахвердова, который настаивает на

том, что $2+2=4$ всегда и при всех обстоятельствах, а постмодернисты лишь наводят тень на ясный день, очень привлекательна главным образом своей простотой и однозначностью. Но, к сожалению, так редко бывает, особенно в таких науках, как психология». Правда, уважаемый Андрей Владиславович здесь допускает две неточности. Во-первых, я утверждал нечто иное: «...нелепо считать, что $2+2$ равно чему угодно, поскольку можно придумать такие интерпретации этой задачи, при которых любой ответ будет правильным». Во-вторых, из того, что психологическое знание обычно не имеет такой однозначности, как $2+2$, не следует, что почему-то именно в психологии $2+2$ не равно четырем.

Эпистемологический пессимизм далеко не безобиден. Е.А. Сергиенко подчеркивает, что происходит размывание границ научного и ненаучного знания, снижение уровня подготовки научных кадров и утрата авторитета науки, у которой якобы не может быть четких законов. В психологии оно напрямую ведет к обесцениванию психологического знания, к неспособности психологов реально влиять на социальные процессы. Методологический либерализм (весьма мягкая вариация на пессимистическую тему в исполнении А.В. Юревича) возник как протест идеологическому прессингу прошлого. Однако, по иронии судьбы, именно эпистемологический пессимизм ведет к тоталитаризму (Поппер, 2004). Действительно, если никто не претендует на Истину, если любая точка зрения возможна, то всегда может найтись более сильный или властный, кто скажет: я знаю, как надо.

Ведь если истины нет, то всегда найдется психолог, который, опираясь на свое психологическое знание, способен поддержать ту политическую или социальную идею, которую — с опорой на свое знание — будет отвергать другой психолог (Аллахвердов, 2004а).

Отрицание истинности — весьма рафинированный интеллектуальный изыск — легко сопрягается с самым кондовым эмпиризмом. Эмпирик берется исследовать любые проблемы (точнее говоря, получать эмпирические данные по любому указанному поводу). Однако результаты его исследования, как правило, сами по себе ничего не доказывают, кроме, конечно, того, что он получил именно такие данные. Поэтому всегда найдется вполне добросовестный эмпирик, который проведет другие исследования и, возможно, получит другие данные. Как бы одни психологи ни доказывали вред для подрастающего поколения рекламы на ТВ, показа боевиков и т. п., всегда можно провести другое исследование и зачастую получить противоположные результаты. Кому верить? Тому, кто больше платит? Последовательный эмпирик, принимая за истину только протокольные записи данных, оказывается недееспособным, а возникающее при знакомстве с подобными работами ощущение бессмысленности становится питательной средой эпистемологического пессимизма.

Все коллеги сошлись в одном: психология находится в кризисе (причем в перманентном, добавляют А.Н. Поддяков и Я. Вальсинер). Неясен предмет науки (А.И. Ватулин, Ю.М. Шилков и целый том Ярославского методологического семинара).

Для выхода из методологического застоя нужен кардинальный пересмотр базовых категорий (В.Ф. Петренко). Констатируется методологический беспредел в психологической науке и практике (Е.А. Сергиенко). Особо отмечается присущий именно отечественной психологии — «в условиях идеологической неразберихи и тяги к клерикализму» — возрастающий вал псевдонаучных сочинений и антисциентистских настроений (А.С. Кармин). А.В. Юревич считает, что психология не может пока себя достойно противопоставить паранауке. В целом попали мы, коллеги, в зыбкое болото, заросшее сорняками (М.В. Иванов), в глубокую методологическую пропасть (А.Д. Наследов). Впрочем, кризис еще страшнее, ибо наука как совокупность *разных* наук себя исчерпала (Т.В. Черниговская), а потому существование такой отдельной науки, как психология, — вообще, видимо, атавизм.

Однако создается впечатление, что глубина кризиса не всеми осознается в полной мере. Кажется бы, если психология в кризисе, то и все психологические школы должны находиться в кризисе, а значит, принятый в этих школах взгляд на психику и сознание не только не верен, но и не эвристичен. Однако самое резкое несогласие вызвало как раз мое утверждение, что разные психологические школы, поскольку они противоречат друг другу, не могут быть вместе верными. А.В. Юревич даже называет этот тезис «детской ошибкой» или «зевком гроссмейстера». Я благодарен ему за возведение меня в гроссмейстерский сан в области методологии науки, хотя все же не понимаю, как с позиций методологиче-

ского либерализма можно вообще найти ошибку. Ведь если можно отличать верные высказывания от ложных, то верные, по-видимому, предпочтительнее, но тогда какой же это либерализм? А если их невозможно отличить, то что же такое ошибка? Впрочем, это замечание лишь так, между прочим, для красного словца.

Мои оппоненты рассуждают, наверно, следующим образом: одна школа описывает научение, вторая — ранние сексуальные переживания, третья — эффекты при дихотическом прослушивании. Так почему бы им не сосуществовать, как сосуществуют физика твердого тела и электродинамика? Тем паче, что на практике все это давно перемешалось, и, например, вышедшие из психоанализа его гуманистические оппоненты вполне могут использовать приемы когнитивно-бихевиоральной терапии. Более того, присутствуют же одновременно в физике взгляды на электрон и как на частицу, и как на волну. И ничего страшного. Вот это, мол, и есть неклассическая наука. Пишет А.В. Юревич: «психологические концепции не взаимно противоречивы, а *несоизмеримы* друг с другом, что порождает разобщенность психологии на "государства в государстве", каждое из которых живет по своим собственным законам». В.Ф. Петренко: «нет единой психологической науки, а есть, скорее, конгломерат наук с разными объектами и методами исследования, называемый одним именем "психология"». И далее: «если язык бихевиоризма вполне адекватен описанию процесса формирования навыка, то вряд ли с его помощью описать реальность экзистенциальных переживаний личности». Ю.М. Шилков утверждает нечто

подобное: «Свойства сознательной и бессознательной психики предполагают разделение предметной компетенции между психологией и психоанализом». Даже Е.А. Сергиенко ласково говорит о неизбежной полифоничности теорий, как бы намекая на присутствующую им гармонию.

Не могу принять эти возражения. Просто каждый из нас стоит перед выбором: или удовольствоваться существующим положением дел в психологии — мол, такая у нас странная (или сложная) наука, которая всегда будет распадаться на несовместимые и несоизмеримые части, — и стать довольным эпистемологическим пессимистом, или, наоборот, с грустью признать, что в нашей любимой психологии очередной кризис и быть при этом оптимистом, т. е. надеяться на лучшее психологическое будущее.

Все основные психологические концепции («психологические империи», как их называет А.В. Юревич) претендуют на статус общей теории. Однако опираются они на заведомо противоречащие друг другу утверждения (в отличие от физики твердого тела и электродинамики, которые говорят о разном, но вполне совместимы друг с другом). Так, когнитивизм — главный оплот научного рационализма в психологии сегодня — пытается в пределе все богатство человеческой психики и поведения объяснить логикой познания (Аллахвердов, 2000б; 2005; Максимов, 2003). Соответственно и вся сфера потребностей определяется задачами познания. (Не так важно при этом, что многие представители когнитивной науки, в том числе и когнитивные психологи, отнюдь не всегда являют-

ся последовательными когнитивистами.) Психоанализ же использует энергетические термины и полагает, что человек движим стремлением максимизировать удовлетворение своих инстинктов, которые теснейшим образом связаны с соматическими процессами. Бихевиоризм, в свою очередь, предлагает использовать только термины наблюдения, отказывает в статусе научных терминов таким понятиям, как «сознание» и, тем более, «бессознательное», и ищет причины поведения во внешней стимуляции. Как это возможно вместе соединить?

На сегодня, наверное, и лучшая из психологических концепций едва ли достигает уровня развития физики времен Альберта Великого. Разве бихевиористы верно описывают формирование навыка? Да там все соткано из противоречий и покрыто сиреневым туманом. Прочитав свой вывод: «Исследователи научения рассказывают сказочку.. Поразительно, но вся эта развесистая лапша выдается бедным студентам за образец естественной науки!» (Аллахвердов, 2003, с. 129). Психологи-гуманисты говорят мягче: 99% того, что написано по так называемой теории научения, просто неприменимо к развивающемуся человеческому существу. А блистательный У. Найссер, отмечая постигшую исследователей научения катастрофу, резюмирует: «Сегодня теория научения почти полностью отброшена» (Найссер, Хаймен, 2005, с. 21). Добавим к сказанному мнение А.В. Юревича о психоанализе: «...по общему признанию, это набор метафор, ни одна из которых до сих пор не получила эмпирического подтверждения». А вот

У. Найссер — один из пионеров когнитивной психологии — оценивает уже собственное направление: «Мы накапливали данные, ошибочные по своей природе» (там же, с. 8). Однако же А.В. Юревич пишет: «...основные психологические теории... это равно возможные и равно адекватные способы видения и объяснения психологической реальности, а вопрос о том, какая из них "верна", предполагающий, что все остальные — "неверны", лишен смысла». Но разве после всего сказанного выше так уж бессмысленно выглядит мое утверждение, что все эти «психологические империи» — заведомо ошибочные описания, в лучшем (и маловероятном) случае за исключением какого-либо одного подхода?

Более мягок А.С. Кармин. Он предполагает, что различные психологические направления «не настолько логически строго оформлены в теоретические системы, чтобы можно было жестко разделять их. Они не являются "несоединимыми" — по крайней мере, в том смысле, что допустимо выделять из них отдельные положения и сочетать их друг с другом. Скажем, теория механизмов психологической защиты, взятая из психоаналитической психологии, вполне совместима с идеями гуманистической психологии». Думаю, однако, что даже такая мягкая формулировка не совсем верна. Конечно, все серьезные концепции содержат в себе элементы верного знания, и эти элементы должны включаться в общую теорию. Поэтому можно, например, описать реально существующие процессы, весьма напоминающие вытеснение, в когнитивистских или иных терминах. Однако поступить так, как заметила еще Л.И. Божович, — это значит

«в корне подрывать устои фрейдовского учения» (Божович, 1968, с. 62–63). Ведь это ни в коем случае не будет соответствовать психоаналитической теории защитных механизмов!

А.Г. Асмолов и другие коллеги часто поминают «неклассический взгляд» на электрон как на двойственный объект в качестве аналогии, поясняющей необходимость разных психологических подходов. Я полагаю, что такая аналогия не совсем правомерна. Да, электрон в разных ситуациях ведет себя то как волна, то как частица. Однако показано, что формальное описание электрона как волны (волновая механика Э. Шредингера) и электрона как частицы (матричная механика В. Гейзенберга) в конечном счете полностью эквивалентны друг другу. И не может существовать ученого — приверженца волновой теории, который принципиально не интересуется или, тем более, заранее отвергает выводы корпускулярной. (Для сравнения: разве нет психологов, отвергающих психоанализ?) Различие между разными описаниями электрона напоминает различие между геометрическим и алгебраическим представлением одной и той же функции. Как известно, одни математики мыслят геометрически, другие — алгебраически, но мыслят-то они *об одном и том же!* Мне, однако, трудно представить, как, например, последовательный бихевиорист может мыслить об эдиповом комплексе. Правда, соединять в собственном сознании можно все что угодно. Так, фрейдовскую триаду инстанций личности можно — особенно в постмодернистском экстазе — сопоставлять с ведическими богами, с христианской троицей, даже с тремя

мушкетерами А. Дюма или тремя товарищами Э. Ремарка. Но разве это означает мыслить об одном и том же?

Коллеги часто возражают мне, используя еще один аргумент: разве нельзя, мол, соединять разные подходы на уровне практической деятельности? Можно. Если клиенту помогает, то можно и беса изгонять, и опыт шаманов перенимать. Но только это не наука, а разновидность магии. В этом нет ничего плохого. Практика претендует не на истинность, а на эффективность. И если мы теоретически не знаем, как добиться нужного результата, то не следует ждать у моря погоды — необходимо действовать. В физике практические находки до конца XIX в. опережали уровень теоретического развития, и это только способствовало развитию физической науки. Да, психологическая практика эффективна, хотя мы зачастую не понимаем природу воздействия. Да, психологическая практика во многом *принципиально* эклектична, поскольку каждый психолог обязан сам выбирать удобные для себя и эффективно работающие техники. (Любой практик знает, что иногда он позволяет себе такие приемы, которые, скорее всего, запретил бы использовать своим ученикам.) Однако возможность эффективного соединения разных технических приемов, выработанных в различных школах, еще не доказывает, что теоретические положения, лежащие в основаниях этих школ, совместимы друг с другом.

Мне близка и понятна позиция моих оппонентов. А.В. Юревич — едва ли не самый глубокий методолог в отечественной психологии — не только не хочет попасть в плен какой-либо идеологии, но и пытается стимулировать

творческий поиск во всех возможных направлениях. В период поиска любая активность полезна, все может «идти в ход». А поскольку искать надо в неведомо какой стороне, то и предлагается искать в любой. (Помните, у А. Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда».) Этим же порывом охвачен и В.Ф. Петренко: «Психологи тех или иных направлений работают в рамках уже сложившихся парадигм и не предлагают никаких кардинально новых идей». Он вдохновенно предлагает: надо разрабатывать безумные идеи, ломать сложившиеся стереотипы, использовать любые методы (в частности, эмпатию). Зачем при этом обуздывать свою фантазию какими-то правилами, да еще и требованиями соответствия с реальностью? Отчасти к этой позиции приближается Ю.М. Шилков: психологическая теория не является отражением психической реальности, а представляет собой созданную ученым конструкцию. Ну а зачем мешать творческой свободе конструирования? Все это верно, но — повторяюсь — в период поиска.

Ученый, однако, призван не только искать, но и находить. Научная деятельность отличается от других типов деятельности не самим по себе этапом генерации гипотез (или созданием конструктов), а прежде всего способами отбора наилучшей из всех имеющихся гипотез. Я исхожу из того, что разные науки (естественные, гуманитарные и пр.) отличаются друг от друга не предметом изучения, по поводу которого генерируются различные гипотезы, а способами проверки этих гипотез (Аллахвердов, 2003, с. 171–255). Когда В.Ф. Петренко перечисляет показатели научной достоверности,

которые, как он считает, присущи и гуманитарной, и естественнонаучной парадигме, то он, как мне кажется, ошибается. Его критерии относятся исключительно к гуманитарной парадигме. Например, физикам (в отличие от гуманитариев) глубокие теоретические познания в области исследования (один из предложенных В.Ф. Петренко критериев) иногда могут даже мешать. Сами физики (например, А. Эйнштейн) любили по этому поводу побалагурить.

Надеюсь, А.И. Ватулин не совсем точен, когда заявляет, что при классификации наук мной не выдержано единое основание деления. Другое дело, что разные способы проверки обычно позволяют решать и разные задачи. В естественной науке это проверка гипотез на их соответствие с реальностью, в гуманитарной науке — это интерпретация, т. е. поиск смысла того, что найдено, в практической науке — обеспечение наибольшей эффективности и т. д. В эмпирической науке — это просто компактное и удобное описание наблюдаемых данных.

Что думают участники дискуссии об эмпирических исследованиях

Все в той или иной мере солидарны с призывом к преодолению бездумного («чистого», «ползучего», «наивного» и т. д.) эмпиризма, до сих пор захлестывающего психологические публикации. Все понимают, что в накопленном за полтора столетия океане эмпирических данных без особого толку утонуло не одно поколение исследователей. Как же быть? Продолжать тонуть дальше? И морочить голову студентам, заявляя, что эмпирические исследования — это об-

разец научности в психологии? А потом удивляться, что падает престиж теоретической науки? В итоге многие заявили о готовности подписать манифест. Впрочем, в этой солидарности и много печали. Когда В.А. Аверин во время дискуссии в Петербурге предложил переформулировать итоговый текст манифеста в требования к дипломным и диссертационным работам, то сам тут же признал, что вряд ли найдется достаточное число работ, отвечающих этим требованиям. Впрочем, как заметил М.В. Иванов, «не психология существует для защиты диссертаций, а диссертации для психологии».

На защиту эмпиризма (и то в весьма модернизированном виде) встал один А.Д. Наследов. Вот его ключевое положение, с которым я категорически не согласен: «исходно исследователь должен планировать исследование так, чтобы учесть... максимально возможное число причин изменчивости и произвести измерения с максимально доступной точностью. Далее в ходе статистического анализа данных он получит возможность отсеять несущественные причины». Это идеал «нелегитимного» эмпирика (очень удачный термин Т.В. Черниговской): максимальный перебор вариантов, максимальная точность — в общем, чем больше работы, тем лучше. Однако учесть все возможные причины изменчивости нереально — именно поэтому нужна теория, которая заранее предполагает, какие причины существенны. Отсеять несущественные причины также невозможно, ведь статистический анализ только компактно описывает данные и, в лучшем случае, может говорить о необнаруженном влиянии той или иной причины. Этот анализ

заведомо ничего не говорит ни о сущности явлений, ни о существенности причин. Требование максимально возможной точности — уже просто образец неленивости (разумеется, если не способ умышленного удорожания исследования). Поэтому, хотя сейчас на радость эмпирикам создаются уникальные технические возможности для все более точного измерения, результаты эмпирических исследований стали даже беднее, как отмечают А.Н. Поддьяков и Я. Вальсинер.

Однако дух эмпиризма проникает и во взгляды некоторых других участников. Вот мимоходом роняет А.И. Ватулин: «Целью эмпирического исследования является возможно более точное описание опытных данных, относящихся к изучаемой предметной области. Оно прочно стоит на почве фактов». Да не так уж прочно стоит эмпирическое исследование! Эмпиризм всегда пронизан субъективностью, поскольку заведомо опирается на *субъективное* чувство непосредственной данности. Об этом как раз весь предложенный для обсуждения фрагмент манифеста. Но разве субъективность — это всегда плохо? — спрашивал во время петербургской дискуссии С.А. Маничев. Я благодарен А.С. Кармину, указавшему на разные возможные смыслы при употреблении этого слова, и согласен с тем, что в моем тексте речь идет лишь о таком привнесении субъективности в научное исследование, которое ведет к ошибкам в описании предмета познания (например, когда ему приписывается то, что в нем отсутствует). Или когда собственное мнение возводится в ранг *истинного* и *научного* только потому, что автор субъективно уверен в правильности своей точки зрения и в своей учености.

Хочу обратить внимание на идею, которая при всей своей правильности потенциально содержит угрозу соскальзывания в эмпиризм. Пишет Т.В. Черниговская: «...мультидисциплинарность — является неотвратимым настоящим, не говоря о будущем науки вообще». Все верно. Но как только, не дай Бог, эта самая мультидисциплинарность превращается в самоцель, так сразу же выступает как призыв к эмпиризму. Тогда все сведется к позиции Б.Ф. Ломова, который полагал, что для разработки психологической концепции необходима кооперация психологии «с физиологией, генетикой, вообще биологией человека, с одной стороны, и с общественными науками — с другой» (Ломов, 1984, с. 98). Но ведь это писано одним из самых талантливых последователей Б.Г. Ананьева, ярким представителем эмпиризма, дабы показать, что никакую концепцию в психологии построить невозможно — ведь тогда придется вырывать отдельные связи при изучении целостной системы, а это, мол, «не продвигает нас по пути понимания действительной детерминации поведения». Поэтому единственное, что остается делать, — проводить и проводить многочисленные исследования, чтобы — невозможная задача — рассматривать любое явление со всех сторон, а потому обязательно — в кооперации со многими науками. Зато, пока занят бесконечными всесторонними исследованиями, — не до теории. Думаю, не случайно и когнитивная психология, осознав себя представителем мультидисциплинарной когнитивной науки, тут же начала откровенно дрейфовать в сторону бихевиоризма — предельного варианта эмпиризма.

Известный петербургский психолог Е.П. Ильин во время беседы со мной по поводу обсуждаемого текста заметил: «Ты же выступаешь против ананьевской школы». В какой-то мере он прав. В 60-х гг. прошлого века Б.Г. Ананьев был безусловным флагманом эмпирического подхода в советской психологии. Признающий себя его учеником Н.Н. Обозов однажды подметил: Б.Г. Ананьев обожествлял математику. Похоже, Б.Г. Ананьев действительно надеялся, что применение математических методов обработки данных способно привести к получению лишнего субъективизма содержательного результата. Такой взгляд определял саму идею комплексного подхода и многие его исследовательские программы. И хотя эта его надежда была ошибочной, она ни в коем случае не может быть поставлена в вину Б.Г. Ананьеву. Критикуя эмпиризм, не следует тем не менее забывать его благородное происхождение. Думаю, эмпирическая установка Б.Г. Ананьева в свое время сыграла колоссальную и весьма позитивную роль в истории советской психологии. Передача власти от догматической идеологии фактам — почти единственно возможная попытка хоть чуть-чуть увернуться от идеологического прессинга, со всех сторон накладываемого на отечественных психологов. Именно Б.Г. Ананьев сформировал у своих учеников — представителей ленинградской школы — любовь к факту, стремление к точности научного метода, уважение к статистическим расчетам. Но сейчас иное время. Методологическая опора на чистый эмпиризм (кстати, самому Б.Г. Ананьеву едва ли в полной мере присущая) бесперспективна и сегодня ничем уже не оправдана. Даже А.Д. Наследов это признает.

Однако А.Д. Наследов почему-то не соглашается с моим высказыванием, что эмпирическое обобщение данных является внеэмпирической интерпретацией. Он говорит: *только бездумное* применение типичных планов эмпирического исследования приводит к тому, что эмпирическое обобщение является внеэмпирической интерпретацией. Наверное, здесь сказалась разница в использовании термина. Для меня эмпирическое обобщение данных — это содержательное высказывание на языке психологии. И потому оно всегда содержит внеэмпирическую составляющую, начиная с того (вспомним Д. Юма), что содержит не опирающееся на опыт убеждение: в будущем не произойдет столь существенных изменений, чтобы нельзя было бы строить прогнозы о результате повторных испытаний. Судя по всему, А.Д. Наследов рассматривает эмпирическое обобщение только как статистическое высказывание. Замечу, что критика столь дружественно настроенного оппонента весьма конструктивна, так как побуждает уточнять формулировки основных тезисов.

Он также выступает против тезиса о необходимости последовательного усложнения используемых методов статистической обработки — тезиса, поддержанного многими (М.В. Иванов, А.Н. Поддьяков, Я. Вальсинер и др.). Думаю, и здесь дело в формулировке. А.Д. Наследов справедливо утверждает, что статистический аппарат должен быть не только прост, но и адекватен задаче исследования. (Убежден, что с этим согласны все.) А затем приписывает мне мнение, что само по себе применение сложных организационных (экспериментальных) и статистических процедур

для эмпирического обобщения данных является источником недостоверности получаемых фактов. Е.А. Сергиенко поясняет именно то, что я имел в виду: «...сложные статистические процедуры вносят еще большие погрешности в интерпретацию и часто неоправданны».

Конкретных дополнительных предложений в текст манифеста немного. Интересную идею предлагают А.Н. Поддьяков и Я. Вальсинер: начиная с определенного уровня сложности метода, проверять всю предложенную процедуру обработки, используя метод Монте-Карло. Думаю, для определенных задач это предложение вполне разумно (сам иногда этим пользуюсь). Однако во многих случаях метод Монте-Карло просто неприменим. Стоит ли это считать обязательным правилом? Впрочем, являются ли вообще методологические

правила обязательными? Т.В. Черниговская удачно их характеризует: «"Так делать нельзя, потому что..." (из чего не следует, что так делать действительно нельзя, но — не зная броду, все же не лезут в воду). Нарушать каноны, *зная*, а не по невежеству».

В предложенном мной небольшом фрагменте того, что, быть может, войдет в текст будущего манифеста, обсуждается только один этап или тип научного исследования — эмпирический. Многие (особенно А.И. Ватулин) справедливо обращают внимание на другие важные этапы, не затронутые в моем тексте. Но методологический манифест — дело всего научного сообщества, он не может быть написан одним человеком. Поэтому, коллеги, предлагаю: формулируйте методологические принципы не только для эмпирических исследований, а затем давайте вместе их обсуждать.

Литература

Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь, 2003.

Аллахвердов В.М. Не пора ли нынче, братья-психологи, начать новые песни и не растекаться мыслию по древу? // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004а. Т. 1, №4. С. 113–125.

Аллахвердов В.М. Проблема сознания в когнитивистском одеянии // Модернизм в психологии. Материалы Всероссийской конференции. Новосибирск: НГУ, 2004б. С. 11–26.

Аллахвердов В.М. Когнитивизм // Общая психология. Словарь / Под ред. А.В. Петровского // Психологический

лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах. М.: Per Se, 2005.

Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

Максимов Л.В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли. М.: РОССПЭН, 2003.

Найссер У., Хаймен А. Когнитивная психология памяти (Memory observed). СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005.

Поппер К. Предположения и опровержения. Рост научного знания. М.: АСТ, 2004.